

*Общие проблемы
истории и философии науки*

АРИСТОТЕЛЬ ОБ ОСНОВАНИЯХ КЛАССИФИКАЦИИ

Е.В. Орлов

Сразу отметим, что у Аристотеля нет ни слова «классификация», ни слова «основание» применительно к классификации. Аристотель ведет речь об «определениях» видов, а также о «различиях», по которым роды разделяются на виды. Однако, как справедливо отмечает Дж. Ст. Милль, «процесс определения... тесно связан с классификацией» [1]. Проблематика, которую Аристотель рассматривает в связи с определениями, современными специалистами в значительной мере рассматривается в связи с классификациями.

С.С. Розова в книге «Классификационная проблема в современной науке» пишет об основаниях классификации и множестве значений этих оснований, а также об обособляющих признаках, образуемых основанием классификации вместе с его значениями (обособляющий признак она называет также существенным признаком, полагаемым в основание классификации) [2]. На языке Аристотеля и основание классификации, и значения этого основания, и обособляющий признак, и существенный признак, полагаемый в основание классификации, называются «различием рода». «Различие» (греч. *to diaforon*, лат. *differentia*) у Аристотеля может быть разной степени универсальности: от наиболее универсального (основание) через различия различия вплоть до далее неразличимых различий (значения основания). Однако для того, чтобы корректно соотнести аристотелевские «различия» с «признаками» современных классификаторов, которые они полагают

в основание классификации, надо учитывать еще одну дистинкцию. С.С. Розова в упомянутой книге цитирует В.И. Василевича, утверждающего, что «можно различать две категории признаков: 1) признаки, по которым мы производим деление на классы, 2) признаки, которыми отличаются выделенные единицы» [3]. Цель настоящей статьи – выявить аристотелевское отношение именно к этой дистинкции.

I

Комментируя данную дистинкцию, С.С. Розова рассматривает в качестве примера три исторические классификации черноземов и почв. Нам тоже будет полезно для дальнейшего обсуждения познакомиться с этими классификациями.

В 1771 г. М.И. Афонин предложил следующую классификацию черноземов: «1) глинистый чернозем, 2) каменистый или песчаный или с хрящем смешанный, 3) лесной на смолу похожий чернозем, который также легкою землею слывет и кой всегда масляным кажется, а при том рыхл, почему и растения на нем скоро всходят...» [4] и т.д. (всего восемь классов).

В 1809 г. А.Д. Тэер предложил классификацию почв, выделив 20 классов. В качестве основания разделения почв на классы он принял процентное содержание в почве глины, песка, гумуса и извести. При этом всем классам он дал систематические названия: «глинистая почва, содержащая большое количество чернозема», «песчано-черноземная почва», «песчано-глинистая», или «супесь», и т.д., – сопоставив их с обиходными названиями: «весьма способная для пшеницы», «луговая почва», «способная для ячменя» и т.д. Наконец каждому классу была дана оценка его относительного достоинства [5].

В 1879 г. В.В. Докучаев, выдвинув идею о почве как естественно-историческом теле, показал, что «всякая почва есть продукт совокупной деятельности [1] материнских горных пород, [2] климата, [3] растительности и [4] рельефа местности» [6]. Однако только ли данные факторы, задается вопросом С.С. Розова, стали основанием классификации почв у В.В. Докучаева? И отвечает: «В ней есть еще один элемент, который также может быть рассмотрен в качестве ее основания. Это совокупность диагностических признаков каждого типа почв, не совпадающая с обуславливающими их особенности факторами, которые не могут выполнять диагностические функции в силу сложности процедуры их установления» [7]. Имеется в виду,

что «реальные почвы диагностируются как светло-серые северные, серые переходные, черноземные... не на основании их генезиса, который не может быть установлен эмпирически, а на основании их структурных, морфологических, физических характеристик, наблюдаемых в почвенных разрезах» [8].

На какие трудности, связанные с принятием основания в трех этих классификациях, обращает внимание С.С. Розова? В классификации М.И. Афонина она не находит основания для деления черноземов на выделенные восемь классов. В классификации А.Д. Тэера она усматривает два основания: 1) процентное содержание четырех указанных составных частей; 2) продуктивность почв, выражаемую в их относительных достоинствах. В связи с этим С.С. Розова ставит вопрос о допустимости деления при классификациях не по одному, а по двум основаниям. Более того, имея в виду деление почв по процентному содержанию четырех составных частей, она ставит и такие вопросы: «На каком основании Тэер в каждом отдельном случае сгруппировал определенным образом значение процентного содержания глины, песка, извести, гумуса? Что заставило его основанием почв первого класса сделать именно данное (74, 10, 4,5, 11,5) значение этих факторов? Почему второй класс задается значениями 81, 6, 4, 8,5, а следующий за ним, третий – 79, 10, 4, 6,5? Каков закон изменения процентного состава этих факторов? Не исходил ли при этом Тэер из установленного процентного состава глины, песка, извести, гумуса для уже выделенных в практике землепользования классов почв?». В связи с классификацией почв, предложенной В.В. Докучаевым, С.С. Розова пишет о «некоторой двусмысленности самого понятия “основание классификации”, возникающей в случаях опосредованного деления, когда мы непосредственно делим объекты по одним признакам, а классы, к которым их относим, характеризуем другими признаками» [9].

Далее С.С. Розова формулирует и обсуждает, как сказал бы Аристотель, апорию: «... Признать основанием классификации закон почвообразования или диагностические признаки каждого типа?... Из принятия первой возможности следует признание факта существования классификаций, не имеющих основания (классификация М.И. Афонина. – *Е.О.*), и признание возможности расхождения основания и диагноза (в классификации В.В. Докучаева. – *Е.О.*). Если принять вторую точку зрения..., то из основания исчезнет самая важная часть ее содержания... Кроме того, безотносительно к тому, какую из

двух возможностей мы выберем, мы вынуждены будем либо изменять понятие основания классификации, либо признавать в одной классификации два основания» [10].

Итак, при рассмотрении трех исторических классификаций черномозгов и почв С.С. Розова, во-первых, различает деление множества исследуемых объектов на классы и принятие различий для этих классов. Во-вторых, она ставит вопрос о том, что, собственно, является основанием классификации: диагностические признаки, по которым мы делим исследуемое множество на классы, или принятые различия этих классов?

II

Аристотель отвечает на эти вопросы в рамках логики, гносеологии и онтологии. Прежде всего мы рассмотрим его онтологический подход. Судя по всему, отчетливое различие «видов рода» и «различий рода» стало новацией Аристотеля. По крайней мере у Платона в диалогах «Софист» (*Soph.*) и «Политик» (*Pol.*), т.е. в диалогах, в которых Платон в явном виде занимается разделением родов на виды, отчетливого различия двух аспектов деления родов нет. Более того, у Платона нет «различия» даже на категориальном (или же метакатегориальном) уровне. Вспомним, какие «величайшие роды» (в переводе С.А. Ананьина – «самые главные роды», 254d4-5) Платон рассматривает в *Soph.* 245b7-258b4: «само сущее» (*to on auto*; в переводе С.А. Ананьина – «само бытие»), «движение и остановка», «другое (*heteron, thateron*) и то же» (последняя пара родов в переводе С.А. Ананьина – «иное и тождественное», 254e2-3) [11]. Аристотель же рассматривает в «Метафизике» (*Met.*) X следующие метакатегории: «иное (*allo*) и то же (или же иное и само)», «другое (*heteron*) и то же по числу», «различие», «несходное (или же неподобное) и сходное (или же подобное)», «неравное и равное», «противность», «различие рода», «другое и то же по виду» (а также «то же и не-то же») и т.д. Платон затрагивает содержание, которое в какой-то степени относится к содержанию, касающемуся аристотелевских «различий», в рассуждении *Pol.* 283c3-285c3. В 285a4-6 он говорит о людях, которые, будучи неприученными «рассматривать [предмет], разделяя [его] по видам, сводят столь различное (*diapheronta*) сразу к тому же (*tauton*)», а в 285b1-3 он настоятельно рекомендует «не прекращать усилий, прежде чем не увидит бы в ней (т.е. в общности многих. – *E.O.*) все различия (*tas diaphoras*), лежащие в видах» [12].

Возможно, содержание этого рассуждения имеет какое-то влияние на третье определение «политика» (которое в целом занимает строки 277a3-311c8, а без учета рассмотрения двух парадигмальных определений «ткачества» и двух больших отступлений по поводу общедialeктических вопросов и пяти форм правления – строки 287b3-291c8 и 303d4-311c8). Однако это требует специального исследования.

Соотношение платоновских «величайших родов» и аристотелевских метакатегорий – вопрос не простой и в полном объеме в данной статье рассматриваться не будет. Мы ограничимся следующими замечаниями. Сам Аристотель называет метакатегории «самими по себе состояниями сущего и единого, поскольку они сущее и единое». Поэтому само «сущее» в ряду метакатегорий он не рассматривает, так как этот ряд включает в себя только «состояния сущего». Аристотель считает, что само «сущее» не есть род. Знаменательно, что «величайшими родами» Аристотель называет роды птиц, рыб и китообразных (*Hist. An.* I 6) [13]. Нас здесь интересует прежде всего отношение между «другим и тем же» у Платона и «другим и тем же по числу», «различием рода» и «другим и тем же по виду» у Аристотеля.

Суть рассуждения Платона о «другом и том же» в *Soph.* 254d14-258b4 сводится к тому, что «другое» *есть* (т.е. существует), так же как *есть* «то же» (258a7-9). Аристотель с этим согласен (*Met.* X 3, 1054b18-19): «... Другим и тем же сказывается все относительно всего, что сказывается [как] единое и сущее...» [14]. Однако далее в их подходах возникает разница, которая на первый взгляд может показаться лишь терминологической. Платон разводит по разные стороны «антитезис» (*antithesis*) и «противность» (*enantion*); «отрицание» (*apophasis*) и «не-сущее» он относит к антитезису, но не к противности (257b9-c3). У него получается, что «другое» есть не-сущее, но не противное «тому же» (258a11-b7). Аристотель же, как известно, различает четыре значения «антитезиса» и среди них «противность» (*enantion*, контрарность) и «противоречие» (*antiphasis*, контрадикторность). По разные стороны он разводит «противность» и «противоречие», а «отрицание» и «не-сущее» относит к противоречию. У него получается, что «другое» есть сущее и противное «тому же», но не противоречащее ему, а противоречит «тому же» «не-то же» (т.е. не-сущее; 1054b19-21). Тем самым Аристотель отчасти «восстанавливает в правах» известный тезис Парменида.

Существенная разница в подходах возникает далее, ибо Аристотель не останавливается, как Платон, на «другом», а вводит еще

и «различие». В *Met.* X 3, 1054b24-28 читаем: «Ибо другому и тому, по отношению к которому оно другое, не необходимо быть в чем-то другом: ибо все – или другое, или то же, что было бы сущим; различие же – для чего-то в чем-то различие, так что необходимо быть чему-то тому же, по чему различаются. Это – тот же род или вид: ибо все различающееся различается или по роду, или по виду...» [15]. «Различием» у Аристотеля опосредуется «другое по виду». Но прежде чем представить суть «другого по виду», отметим, что, согласно Аристотелю, «противность» есть «какое-то различие» (3, 1054b31-32), а именно, «завершенное различие» (4, 1055a3-11). Итак, Аристотель подытоживает: «...Быть другим по виду – [значит], будучи в том же роде и будучи атомом, содержать противность (то же по виду – то, что, будучи атомом, не содержит противности)». «Атомом» в данном случае Аристотель называет «неделимое по виду». «Противность», как мы уже знаем, есть «завершенное различие». Получается, что «другое по виду» содержит в себе «различие рода» (т.е. определяется им). При этом Аристотель приходит к выводу, что «род» существует как «другое по виду» (8, 1057b35-1058a6).

Поясним сказанное. Платон в *Soph.* 258a4-5 в качестве примера «того же и другого» называет «справедливость и несправедливость». Если исходить из того, что, согласно Аристотелю, «справедливость и несправедливость» – другое по роду (первое – добродетель, второе – порок), а «справедливость» как целую добродетель он определяет так: «завершенная добродетель, но не просто, а относительно к другому [человеку]» (*EN* V I 1129b25-27), – то получается, что для «справедливости»: другое по роду – несправедливость; другое по виду – мужество, благоразумие, щедрость и другие добродетели; не-то же – все что угодно, кроме добродетелей и пороков; различие – «завершенность... относительно к другому». Различие «справедливости» есть в чем-то (в роде добродетели) для чего-то (для других видов добродетели).

Наряду с «различием» Аристотель учитывает «сходства и несходства». «Сходным» он называет «то же по виду», но «другое по числу», а также то, у чего «одно и то же по виду состояние» (*Met.* X 3, 1054b3-13). Аристотелевские «сходства и несходства» в какой-то степени похожи на современные «диагностические признаки», «по которым, – как считают некоторые, – мы производим деление на классы». А «различия рода» у Аристотеля соответствуют только тем «признакам» у современных специалистов по классификационной проблеме,

«которыми отличаются выделенные единицы», а не «диагностическим признакам».

У современных специалистов по классификационной проблеме есть подход к пониманию разницы между признаками, «по которым мы производим деление на классы», и признаками, «которыми отличаются выделенные единицы», сходный с аристотелевским. Имеется в виду подход, при котором «выделяют экстенциональный (связанный с изучением денотата знака в конкретной знаковой ситуации) и интенциональный (связанный с изучением концепта этого знака – информации, которую знак несет относительно своего денотата) аспекты классификации» [16]. Ю.А. Шрейдер и Н.С. Панова пишут: «С экстенциональной точки зрения классификация описывает (обозначает) некоторую структуру членения классифицируемых объектов на таксономические единицы (таксоны)... С интенциональной точки зрения классификация несет в себе признаки, содержащие информацию об основаниях группировки классифицируемых объектов на таксоны» [17].

Однако при сравнении этого подхода с аристотелевским надо помнить метакатегориальную особенность последнего, а именно, то обстоятельство, что Аристотель разводит «другое по виду» и «различие рода». Обратим внимание на следующие слова С.С. Розовой: «Наряду с даваемой в логике характеристикой вертикальных связей классификационной системы как связей рода и вида и горизонтальных связей как связей видов одного рода, в литературе можно встретить описание этих связей с более широкой позиции философских категорий: вертикальные связи определяют через отношение общего и особенного, а горизонтальные – через отношение тождества и различия. ... Нам представляется, что эти пары категорий фиксируют интенциональный и экстенциональный аспекты классификационных связей» [18]. То, что здесь называется «вертикальными» связями, Аристотель также рассматривает через призму *общего и своего*, и именно применительно к этому он говорит о «различиях рода». А то, что здесь называется «горизонтальными» связями, он рассматривает через призму *того же* (или же *тождества*) и *другого по виду*, а не *тождества и различия*. Поэтому у Аристотеля «различие рода», говоря словами С.С. Розовой, фиксирует интенциональный аспект классификационной проблемы, а не экстенциональный, как получается у нее. Экстенциональный же аспект проблемы у Аристотеля фиксирует «другое по виду».

III

В качестве гносеологического подхода Аристотеля к определению видов можно рассматривать различие им поиска *бытия* и *сути* (или же *причины*), т.е. поиска ответов на вопросы: «*есть ли* нечто (или же что *есть*)?» и «*что есть* (или же *почему* есть)». Имеется в виду дистинкция «*ei esti* (или же *to hoti*, «то хóти») – *to ti esti* (или же *to dioti*, «то диóти»)» [19]. Индукция, а следовательно, и опыт, согласно Аристотелю, дают нам ответ на вопрос, «*есть ли*» нечто, но не на вопрос «*почему* есть». Ответ на последний вопрос предполагает усмотрение *сути*, а это, согласно Аристотелю, уже прерогатива ума (умопостижение *сути*). Такой подход принимается и в современной неклассической философии науки. Так, А. Эйнштейн, имея в виду «основанную на проникновении в суть опыта интуицию», считает «в известном смысле оправданной “веру древних в то, что чистое мышление в состоянии постигнуть реальность”» [20].

Согласно приведенной дистинкции, можно сказать, что на первый вопрос М.И. Афонин отвечает, что *есть* чернозем глинистый, каменистый, лесной и т.д. На второй вопрос он ничего не отвечает. А.Д. Тэер на первый вопрос отвечает, что *есть* почва глинистая, песчано-черноземная, песчано-глинистая и т.д. На второй вопрос он отвечает: глинистая почва есть *такое-то* соотношение глины, песка, гумуса и извести; песчано-черноземная почва есть *такое-то* соотношение этих частей и т.д.

А как бы Аристотель отнесся к условиям генезиса почв, которые лежат в основании классификации В.В. Докучаева? Аристотель, во-первых, различает *бытие* и *возникновение*, а во-вторых – необходимость *простую* и *гипотетическую*. Простая необходимость относится к бытию, а гипотетическая – к возникновению. Простая необходимость состоит в том, что нечто не может быть иначе. Гипотетическая необходимость состоит в том, что для возникновения чего-либо нечто необходимо, но само по себе недостаточно (возникновение, согласно Аристотелю, вообще не необходимо) [21]. Судя по всему, условия генезиса почв, установленные В.В. Докучаевым, Аристотель отнес бы именно к гипотетической необходимости. Соответственно Аристотелю мы имели бы следующее: если некая почва *есть*, то условия ее возникновения *есть* (или *были*) с необходимостью; но если условия для возникновения той или иной почвы *есть*, возникновение этой почвы не необходимо.

Далее, Аристотель различает науки (*эпистемы*) о бытии и возникновении (*Part. An.* 1, 636b30-640a9). Если в качестве примера взять его работы о животных, то работы «История животных» (*Hist. An*)

и «О частях животных» (*Part. An.*) следовало бы отнести к *эпистемам* о бытии (в первой работе предмет рассматривается в основном на ступени «то х́оти», во второй ступени – «то ди́оти»), а работу «О возникновении животных» – к *эпистемам* о возникновении. Напомним, что «история» на языке древних греков означает, как пишет Г.Г. Майоров, «не только историческое знание, но прежде всего “осведомленность” в широком смысле, знание фактов, добытых путем не учительской, а собственной активности» [22]. Если бы Аристотель занимался почвами, вероятно, он написал бы тоже три книги, которые могли бы иметь, например, такие названия: «История почв» («то х́оти»), «О почвах» («то ди́оти») и «О возникновении почв». Следует учитывать еще и то, что для Аристотеля поиск сути естественных видов, т.е. своего рода классификация (недоказываемая эпистема о сущности), и поиск причин присутствия видам того или другого (доказывающая эпистема о самом по себе сопутствующем) – предметы разных эпистем. Хотя «История животных» посвящена в основном поиску и описанию предмета на ступени «то х́оти», именно в ней Аристотель дает образцы своего разделения животных по различиям («то ди́оти»), т.е. образцы своих классификаций животных, а в работе «О частях животных» речь идет уже именно о частях животных (анатомия) и о том, почему им присуще то или другое. Возможно, и разделение почв на основании различий он представил бы в работе «История почв».

В.В. Докучаев говорит о генетической классификации уже в своих первых публикациях по проблеме классификации почв. Однако реально он представил чисто генетическую классификацию только в конце своей научной карьеры [23]. До этого он классифицировал почвы фактически на основании физико-химического состава. Именно этим классификациям, судя по всему, Аристотель отдал бы предпочтение с точки зрения установления видов почв. А содержание последней, чисто генетической, классификации В.В. Докучаева он изложил бы в книге «О возникновении почв», при этом разделение почв по различиям рассматривалось бы уже как известное.

Таким образом, гносеологический аспект классификационной проблемы для Аристотеля ограничивается дистинкцией «*есть ли – почему есть*». Третий вопрос – «как возникает?» – в связи с определением видов он не рассматривает.

В философском языке Аристотеля есть два глагола, обозначающих *действие различения*, а именно, *krinō* и *diapherō*. «Различие» (*to*

diaphoron), о котором шла речь во второй части статьи, обозначается словом, образованным от глагола *diapherō*, а эпистемологически связано с умственными различениями. Другой же глагол – *krinō* Аристотель использует в связи с чувственным восприятием. От этого глагола образуется слово *kritikz*. Нам известно слово «критика», однако его древнегреческое употребительное значение отличалось от современного. У Аристотеля оно означает «критическую способность», т.е. способность к чувственному различению, способность разбирать что-либо. Отметим, что от этого же глагола образуется и слово *krisis*, тоже унаследованное современным языком – «кризис». Однако и его употребительное значение в древнегреческом было иным. Во времена Аристотеля это слово означало распознавание, суждение в смысле распознавания, суд.

В статье «Аристотель об опыте и уме во “Второй аналитике” II 19» мы показали, что, согласно Аристотелю, душе человека (как, впрочем, и животных) от рождения внутренне присуща критическая способность, т.е. способность к чувственным различениям: из критической способности (с участием памяти и индукции, которые присущи человеку, но уже не всем животным) происходит опыт (по-гречески – «эмпирия»), а опыт есть первое универсальное в душе, т.е. возникают универсальные представления о чувственно воспринимаемых предметах (универсальные эмпирические представления) [24]. «Классифицирование» на основании «диагностических признаков» Аристотель, судя по всему, отнес бы именно к эмпирическим обобщениям. К аристотелевским универсальным эмпирическим представлениям можно отнести «глинистый чернозем», «каменистый или песчаный или с хрящем смешанный», «лесной на смолу похожий чернозем. . .» М.И. Афонина. Однако не следует считать, что, согласно Аристотелю, деление рода на виды производится эмпирически на основании способности человека к чувственным различениям, а причина, или же «различие рода», присущее виду, принимается умом. Позиция Аристотеля – более сложная и «тонкая».

Здесь мы встречаемся с очень важной проблемой, а именно, с проблемой *осмысления феноменов*. Сегодня ее называют по-разному: проблемой теоретической нагруженности опытных, чувственно воспринимаемых данных или же проблемой концептуализации феноменов. В Новое время эту проблему остро поставил И. Кант, различив «явления» и «феномены». Согласно Э.В. Барбашиной, «явления» у Канта – «это то, что предшествует логическому употреблению рассудка, после которого мы и получаем феномены. . . Феномены – это явления,

которые не просто обработаны рассудком, а мыслятся как предметы на основе единства категорий» [25]. Имя «феномен» (*phainomenon*) в словаре Аристотеля есть. Это имя на его языке означает (в одном из двух главных вариантов технического словоупотребления) то, что дает нам опыт или индукция. Собственно «то хότι» и дано нам как феномен. Феноменам у Аристотеля посвящена статья Г.И.Л. Оуэна «Tithenai ta phainomena», которая пользуется большой известностью и доверием в англо-американском аристотелеведении [26].

Если феномены чувственно воспринимаемы (с участием памяти и индукции), то умопостигаемы – эйдосы. Однако Аристотель в явном виде не противопоставляет «феномены» и «эйдосы». В «Метафизике», т.е. в учении о сущности, он предпочитает противопоставлять «чувственно воспринимаемое (эстетическое)» и «умопостигаемое (ноэтическое)», а в «Аналитиках» он упоминает «феномены» в одном ряду с опытом и индукцией, противопоставляя индукцию силлогизму. Однако если ограничиться рассмотрением сущностей, т.е. исключить из рассмотрения сопутствующее (что соответствует естественным классификациям), то мы не видим причин, которые бы при рациональной (но не исторической) реконструкции философии Аристотеля помешали перейти от дистрикции «то хότι – то διότι» к дистрикции «феномен – эйдос». (Эйдосы Аристотель принимает только для сущностей, а не для всех «смыслов», как Платон.) При такой замене получится, что «осмысление феноменов» (ограниченное проблематикой сущности) равносильно «усмотрению эйдосов». Разумеется, «эйдосы», согласно Аристотелю, существуют «вне души», или же, как сказали бы сегодня, объективно. Но в данном случае нас интересует, как они познаются, а не как существуют.

Аристотель в явном виде не ставит вопрос об «осмыслении феноменов». Однако его философские построения позволяют рационально реконструировать его возможное отношение к вопросу о том, через призму каких «смыслов» и как мы теоретически рассматриваем феномены. Для ответа на этот вопрос мы можем привлечь не только (1) метакатегории (постпредикаменты), о которых шла речь во второй части статьи: «само и иное», «то же и другое по числу», «различие», «сходное и несходное», «неравное и равное», «противоречие», «лишенность», «противность», «род», «различия рода», «то же и другое по виду», «то же и не-то же», «часть и целое», «движение и остановка» и т.п., – но и (2) категории (предикаменты): «то, что в сути», «качество», «количество», «место», «время», «действие», «претерпевание», «соотнесенность»; (3) предикабилии:

«род и его различия», «определяющее (*horos*)», «свойство», «сопутствующее»; а также следующие определенности, которые не имеют ни у Аристотеля, ни у его комментаторов собственных наименований: (4) «сущее само по себе и по совпадению», «сущность и присущее сущности», «присущее в сути и сопутствующее сущности», «необходимое и не-необходимое»; (5) «сущее в возможности и действительности»; (6) «причина», «элемент» и т.п.

Авторы, упоминающие Аристотеля в связи с классификационной проблемой, часто имеют в виду не его метакатегории, а предикабилии. Так, Дж. Ст. Милль в «Системе логики», рассматривая классификацию как часть теории общих имен, отмечает, что эта часть «служит предметом так называемого “учения о предикабилиях” (родах сказуемого), представляющих из себя ряд различий, которые ведут свое начало от Аристотеля и его последователя Порфирия и из которых многие прочно укоренились в научном, а некоторые даже и в обыденном языке» [27]. Седьмую главу первой книги он так и называет: «Природа классификации и пять родов сказуемого (предикабилии)». Однако Аристотель (в отличие от Платона) разделил диалектику и первую философию, так что у Аристотеля есть два подхода к «определениям»: диалектический (т.е. логический) и онтологический. «Различия рода» он рассматривает при обоих подходах. Дж. Ст. Милль, ссылаясь на Аристотеля, имеет в виду первый из них и полностью замалчивает второй. Мы же исследуем прежде всего онтологический подход. Разницу между логическим (предикабилии) и онтологическим (постпредикаменты, метакатегории) истолкованиями «различий рода» в данной статье мы рассматривать не будем, – это большая и самостоятельная тема. Отметим лишь, что, хотя предикабилии традиционно возводят к Аристотелю, их список у самого Аристотеля и последующих авторов начиная с Порфирия несколько различается (табл 1) [28].

Аристотель рассматривает определенности, которые его комментаторы назвали предикабилиями, в «Топике» (*Top.*). В *Top.* I 8 он приводит доводы в пользу того, что таких определенностей всего четыре. У Порфирия же и последующих авторов их становится пять: исчезает «определение», но добавляется «вид», а «различие» фиксируется отдельно от «рода» (Аристотель рассматривает в *Top.* «различия» вместе с «родом»). Существенно здесь то, что Аристотель не включает в этот ряд «вид». Конечно, в *Top.* IV, где Аристотель рассматривает «род», можно найти немало упоминаний «видов» и суждений по их поводу.

Таблица 1

<i>Аристотель</i>	род (и его различия)	–	определение (определяющее)	свойство	сопутствующее
<i>греч.</i>	genos, diaphora	eidos	horos	idion	symbebzkos
<i>лат.</i>	genus, differentia	species	–	proprium	accidens
<i>Порфирий</i>	род, различающий признак	вид	–	собственный признак	привходящий признак
<i>Дж. С. Милль</i>	род вещи, (видовое) отличие вещи	вид вещи	–	собственный признак вещи	случайный признак вещи

Если собрать все эти упоминания и суждения воедино, то какое-то содержание, касающееся «видов», в *Тор.* найти можно. Однако для Аристотеля все это содержание относится к рассмотрению «рода», а не «вида» самого по себе. Для него проблема «вида» – это проблема первой философии («Метафизики»), а не диалектики («Топики»).

При сравнении философии Аристотеля с философией И. Канта следует иметь в виду, что кантовские категории соответствуют у Аристотеля не категориям и не метакатегориям, а разделением «сущего», представленным в пункте (4): «сущее само по себе и по совпадению» и т.д. Мы показали это в книге «Кафолическое в теоретической философии Аристотеля» [29]. Добавим, что кантовские чистые понятия рассудка, т.е. категории, соотносятся с формой суждения, но не дефиниции. Аристотель рассматривает суждения как посылки умозаключений и сопряженные с ними разделения «сущего» в «Аналитиках» (Кант – в «Трансцендентальной аналитике»), а разделения рода по различиям – в «Топике» (диалектика) и «Метафизике» (ноэтика – эпистема ума). Аналога аристотелевской ноэтики у Канта фактически нет.

К аристотелевской ноэтике по своей сути наиболее близка гегелевская «Наука логики», а аристотелевские метакатегории следует сопоставлять прежде всего с гегелевскими спекулятивными понятиями, а именно, с теми из них, которые рассматриваются Гегелем во второй книге «Науки логики», т.е. в «Учении о сущности». Однако гегелевские спекулятивные понятия, судя по всему, несовместимы с реальной

предметностью, они неприменимы к ее познанию, т.е., говоря языком Аристотеля, не «распределяются» по родам сущего (по предметам частных наук). Такой вывод можно сделать из некоторых суждений Ф. Шеллинга, И.А. Ильина, и современного гегелеведа В. И. Коротких [30]. Аристотелевские же метакатегории «распределяются» по родам сущего и тем самым выступают в качестве «инструмента», а лучше сказать – «метода», реального познания, что делает онтологию Аристотеля уникальной в истории философии.

Рассмотрим «применение», или же «распределение», аристотелевских метакатегорий «другое и то же по виду». Начнем с того, что Аристотель истолковывает противоположность «части и целого» не так, как это делают некоторые современные философы и логики. С.С. Розова в уже упоминавшейся книге «Классификационная проблема в современной науке» пишет: «Обычно различие в отношении рода и вида, с одной стороны, и целого и части – с другой, рассматривают в более общем плане – в связи с необходимостью отличить от логического деления понятия сходные с ним логические формы, которые логическим делением не являются. ... “Разделение целого на части отличается от деления понятия тем, что в нем части не связаны с целым, как виды и род, они не являются видами рода делимого. Например, деревья мы делим на хвойные, лиственные и т.д. Деревья же мы делим на ствол, листья, корни и т.д. Эти части не являются видами деревьев, это части дерева”» [31]. Однако это не единственное понимание «части и целого» у современных философов и логиков. Некоторые из них понимают «часть и целое» как «элемент и множество».

Проблематичность истолкования противоположности «части и целого» актуализируется сегодня, в частности, полемикой в связи с парадоксами «абстрактных множеств», а именно, с парадоксами Рассела и Греллинга – Нельсона. Так, С.К. Черепанов отмечает, что современные белорусские исследователи объявляют, будто «парадокс Р (Рассела. – *Е.О.*) связан с необоснованным отождествлением данного отношения (речь идет об отношении “часть и целое”. – *Е.О.*) с отношением “элемент – множество”, на котором построена канторовская ТМ (теория множеств. – *Е.О.*). Различие же этих типов отношений обнаруживается в ходе употребления имен соответствующих объектов. “Часть не носит название целого, тогда как элемент множества именуется так же, как и само множество. Например, элементами множества домов являются дома, но частями домов являются двери, окна и т.п.”» [32].

Аристотель принимает несколько значений метакатегорий «часть» и «целое» (*Met.* IV 2, 1005a17; V 25-26), среди которых есть не только то значение, согласно которому двери и окна суть части дома, но и то, согласно которому какой-то дом есть часть дома вообще, или же хвойное дерево есть часть дерева вообще, т.е., говоря языком современных философов-логиков и математиков, «элемент» есть часть «множества». Соотношение этих двух значений «части и целого» у Аристотеля мы истолковали в книге «Кафолическое в теоретической философии Аристотеля» [33]. Последнее значение «части» (и соответствующее значение «целого») играет первостепенную роль в силлогистике Аристотеля, где он разделяет универсальные и частные посылки. Слово «универсальное» (*katholou*, кафолическое) в греческом языке является однокоренным со словом «целое» (*holon*) и используется Аристотелем для наименования одного из значений «целого» (*Met.* V 26, 1023b29). При таком понимании «части и целого» всякий вид оказывается частью рода, но не всякая часть какого-либо целого оказывается видом рода. Далее, если условно обозначить «часть» в одном значении (хвойное дерево – часть дерева вообще) как «часть-1», а в другом значении (корни – часть дерева) – как «часть-2», то надо иметь в виду, что, согласно Аристотелю, не всякая «часть-1» есть вид рода. Ибо Аристотель разделяет «роды», части которых суть виды, и «первое универсальное», части которого не суть виды. Различие «родов» и «первого универсального» мы рассмотрели в статьях «Аристотелевский эссенциализм и проблема формулировки проблем» и «Аристотель о частных и универсальных доказательствах во “Второй аналитике” А» [34]. Наконец, отметим и следующее обстоятельство. В *Met.* V 26, 1023b 27-34 Аристотель определяет «целое», соотношенное с «частью-1», и «целое», соотношенное с «частью-2», как два варианта соотношения «объемлющего и объемлемого». Поэтому распределение «другого и того же по виду» возможно и без участия метакатегорий «часть и целое», – достаточно эмпирических представлений об «объемлющем и объемлемом».

У Аристотеля получается, что опыт дает нам знание о соподчиненности эмпирических представлений (целое и часть, или же просто объемлющее и объемлемое), но не удостоверяет наличие именно родовидового соподчинения. Чтобы определиться с тем, является ли данное эмпирическое представление видом какого-либо рода, нам надо иметь в уме метакатегории «то же и другое по виду», «род и вид». Во второй части статьи мы уже отметили, что «род», согласно Аристотелю,

существует как «другое по виду»; «другое по виду» есть атом, сущий в том же роде и содержащий противность; «противность» есть законченное различие. Таким образом, для того чтобы определиться с родовидовым отношением тех или иных эмпирических представлений, нам надо «подвести» их под метакатегорию «другое по виду» (на языке Аристотеля – распределить «другое по виду»), а для этого надо найти и принять «различие», присущее данному предмету, которое было бы противностью. Если соответствующее «различие» найдено и условия применения всех соответствующих метакатегорий удовлетворены, мы «думаем» (*oionta*), что имеем дело с родом и его видами. При таком подходе получается, что М.И. Афонин в свое время ограничился делением черноземов на основании эмпирических представлений, а А.Д. Тэер, приняв «различие» почв на основании того или иного соотношения глины, песка, гумуса и извести, тем самым определился с видами рода почв.

Решающую роль при усмотрении «видов рода» играют именно «различия рода», которые представляют собой своеобразный «водораздел»: при усмотрении и принятии «различия» мы переходим от «феномена» к «эйдосу», т.е. от одной предметности к другой, от феноменальной к эйдетической (или же умопостигаемой, интеллигибельной). Однако из этого не следует, что мы остаемся (или же задерживаемся) на эйдетической предметности. «Усмотрев эйдос», мы возвращаемся к феномену, но теперь уже к иному феномену, а именно, к феномену «вида рода» [35]. Номенклатура почв у М.И. Афонова, А.Д. Тэера и В.В. Докучаева отчасти совпадает, отчасти различается. Конечно, в какой-то степени здесь может сказываться разница между почвами в Германии и в России. Но главное – каковы «различия», которые принимаются тем или иным автором классификации. При переходе от эмпирически выделенных частей некоторой целостности к умопостижению различий рода и тем самым к делению рода на виды ряд эмпирически выделенных разновидностей может или сохраниться, приобретя «статус» видов рода, или измениться, не приобретя этот «статус»; то и другое может произойти или в целом, или частично. В любом случае поиск различий рода предполагает наличие некоего предпознания – предшествующего эмпирического деления неких целостностей или даже существование предшествующих классификаций на основании тех или иных принятых различий.

«Феномен» у Аристотеля узнается и в первый раз, и при повторных встречах с ним посредством эмпирического уклада души, в основе которого лежит чувственная восприимчивость, с участием памяти и индукции,

но без участия ума. Еще раз напомним, что опыт, а следовательно, и узнавание феноменов, согласно Аристотелю, присущи и некоторым животным. Все это свидетельствует о том, что «феномен» у Аристотеля возможен и при «нулевом» осмыслении. Но даже «осмысленный феномен» вновь оказывается у Аристотеля чувственно воспринимаемым, а не мыслимым. Если ограничиться познанием сути бытия, то собственно «мыслимым» оказывается только «эйдос», который познаваем как «различие рода», но на котором, как мы отметили в предыдущем абзаце, познание не задерживается. (В данном случае речь не идет о самих по себе метакатегориях, т.е. еще не распределенных метакатегориях, которые, конечно же, мыслимы.) Обратимся еще раз к приведенным выше словам Э.В. Барбашиной: «...Феномены (у Канта. – *E.O.*) – это явления, которые не просто обработаны рассудком, а мыслятся как предметы на основе единства категорий». Так вот, у Аристотеля «феномены» «просто обработаны», но не «мыслятся». Причем «обработаны» они не «рассудком» (если сопоставлять «рассудок» в немецкой философской традиции с *dianoia* или *epistēmē* в традиции древнегреческой), а «разумом», т.е. «умом» (если сопоставлять «разум» в немецкой традиции с *noûs-умом* – в древнегреческой).

Получается, что «феномены» у Аристотеля могут быть как «неосмысленными», так и «осмысленными», причем «осмысленными» в разной степени. Кантовским же «явлениям» у Аристотеля в какой-то степени можно было бы поставить в соответствие единичные ощущения и чувственные восприятия, еще не опосредованные памятью, индукцией, опытом как «первым универсальным в душе», т.е. еще эмпирически не обработанные и потому еще не ставшие феноменами. С кантовскими «явлениями», судя по всему, можно было бы сопоставить также аристотелевские *фантазмы*.

У Аристотеля мы имеем дело с *эйдетическими «различиями» (принимаемыми умом) и феноменальными «сходствами и несходствами»*. «Диагностические признаки», о которых говорят современные классификаторы, следует сопоставлять с феноменальными «сходствами и несходствами». Вышеприведенный анализ показывает, что, согласно Аристотелю, мы встречаемся с «диагностическими признаками» дважды: «до того» и «после того», т.е. до распределения соподчиненных эмпирических представлений на роды и виды и после. До этого распределения мы отождествляем или различаем наши чувственные восприятия на основании тех или иных «сходств и несходств», производя тем самым «фено-

мены». Но и после распределения феноменов на роды и виды, т.е. после разделения рода по «различиям», «сходства и несходства» вновь установленных видов не теряют своего значения. Ибо при использовании уже построенной классификации иногда удобнее пользоваться легко узнаваемыми «сходствами и несходствами», а не «различиями» – «в силу сложности процедуры их установления» (это суждение С.С. Розовой приводилось в первой части статьи).

Рассмотрим следующий пример. В.В. Докучаев, предложив определенное подразделение почв, пишет: «Главнейшими основами последнего подразделения служат: цвет сухопутнорастительных почв, в связи с чем – содержание в них фосфорной кислоты, азота...» и т.д. [36]. А теперь вспомним слова С.С. Розовой о генетической классификации почв, построенной В.В. Докучаевым, которые мы уже приводили в первой части статьи: «Реальные почвы диагностируются как светло-серые северные, серые переходные, черноземные... не на основании их генезиса, который не может быть установлен эмпирически, а на основании их структурных, морфологических, физических характеристик, наблюдаемых в почвенных разрезах». По поводу этого суждения, во-первых, отметим, что нам непонятно, почему генезис почв «не может быть установлен эмпирически». Если иметь в виду значения условий генезиса почв, которые В.В. Докучаев указывает в своей последней, собственно генетической, классификации, то, с нашей точки зрения, они вполне эмпирически установимы [37]. Во-вторых, отметим, что С.С. Розова в данном случае в качестве «диагностических признаков» рассматривает «структурные, морфологические, физические характеристики» почв, связывая их с цветом почв, а в качестве «различий» (в аристотелевском смысле) – условия генезиса почв. Аристотель же, судя по всему, отнесся бы к данной познавательной ситуации иначе: цвет почв он причислил бы к «диагностическим признакам», физико-химический состав – к «различиям», а условия возникновения, как уже пояснялось, он в данном случае не рассматривал бы. С аристотелевской точки зрения, цвет сухопутно-растительных почв, рассматриваемый как «сходства и несходства» почв, мог бы использоваться для идентификации почв «на глаз», содержание же в почвах фосфорной кислоты, азота и т.д., рассматриваемое как «различие», могло бы использоваться для идентификации почв в ответственных ситуациях. В этом случае потребовалась бы «сложная процедура», а именно, физико-химический анализ. Конечно, Аристотель не занимался физико-химическими анализами в современном смысле, но его дистинкция «то хότι –

то дибти» предполагает, что процедура установления «различия» может быть сложной. Например, при определении китообразных он учитывал такие «различия», как особенности крови, способы дыхания и репродукции. Все эти «различия» при первом эмпирическом знакомстве с той или иной особью китообразных неочевидны. Для их установления требуются длительные наблюдения за жизнью китообразных и анатомирование их туш.

Идентификация родов и видов, имеющая место при использовании уже построенных классификаций, на языке Аристотеля называется «узнаванием» (*gnōrizein*) родов и видов. Когда речь идет об «узнавании», Аристотель говорит не о каких-либо «признаках», а об опыте. То есть человек узнает те или иные виды рода на основании эмпирического знакомства с данными видами и родами. Ни о каких вербально закрепленных перечнях феноменальных «сходств и несходств» Аристотель, как правило, не говорит и тем более не включает их в определения (сути) видов. Он как бы следует старому правилу: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. И это не случайное обстоятельство, а осознанная и основательная позиция Аристотеля.

Так, Дж. Ст. Милль, продолжая в VII главе четвертой книги «Системы логики» разговор о классификации, подробно излагает точку зрения У. Юэля (Whewell), который, в свою очередь, обращает внимание на тот факт, что очень часто классификационные признаки, включенные в определение того или иного вида, на самом деле не присущи многим представителям данного вида. «...Аномалии встречаются столь часто, – цитирует Милль Юэля, – что Линней в своем *Introduction to the Natural System of Botany* делает из них особый параграф в каждом семействе» [38]. Отсюда Юэль делает вывод, что определения более не могут быть полезными при естественных классификациях. «...Тем не менее, – продолжает он, – это не делает класс совершенно неопределенным, лишенным всякого мерила, всего определяющего. Класс, хотя и не ограничен точно, установлен твердо; он дан, хотя и не очерчен; он определяется не извне – линией, очерчивающей его объем, а изнутри – некоторым внутренним средоточием, – не тем, что класс строго исключает, а тем, что он преимущественно обнимает, – не правилом, а примером. Коротко говоря, классом здесь руководит не определение, а тип. Тип есть образец того или другого класса (например, того или другого рода или вида), рассматриваемый как преимущественно обладающий отличительными признаками данного класса» [39].

У. Юэль, будучи представителем британской философской традиции, для которой характерно нигилистическое отношение к «сути бытия», судя по всему, не учитывает разницу между «различиями» и феноменальными «сходствами и несходствами». Для него все это – что-то однопорядковое, т.е. то, что «пишется через запятую». При таком подходе в определения видов попадают феноменальные «сходства и несходства», которые не являются ни необходимыми, ни тем более достаточными для «узнавания» видов, что приводит Юэля к скептическому отношению к определениям видов. Отказываясь от определений, он останавливается на ступени «то х́ти», т.е. на той ступени, на которой остановился в свое время и М.И. Афонин. Согласно же Аристотелю, эмпирически (без определений) мы лишь «узнаем» вид рода уже построенной классификации, т.е. ведаем, «что он *есть*» – «то х́ти» (на языке Аристотеля это означает, что данный экземпляр *есть* экземпляр некоего вида); при этом «различие рода» (а следовательно и определение) остается в силе и отвечает на вопрос «почему он *есть*» – «то ди́ти». Например, для того чтобы «узнать» кита, не надо каждый раз длительно наблюдать за ним, а затем анатомировать его тушу, дабы установить наличие у данной особи «различий», входящих в определение кита. Хотя в особых (спорных и ответственных) случаях это делать необходимо.

Итак, «диагностические признаки», о которых говорят современные специалисты по классификационной проблеме, остаются у Аристотеля, как правило, не вербализованными, а известными человеку лишь эмпирически и используются на начальных этапах построения классификации (до нахождения «различия»), а также при применении уже построенных классификаций для «узнавания» тех или иных представителей того или иного вида рода.

IV

Ситуация с вербализацией и невербализацией «сходств и несходств» у Аристотеля меняется в двух случаях: при обучении, когда учитель ведет речь о том, что ученики никогда не видели, и тогда, когда от определений и классификаций видов мы переходим к доказываемому знанию, т.е. к доказывающему силлогизму, в качестве одного из терминов которого выступает наименование вида рода, чью «суть» мы еще не познали. Однако ведома ли нам «суть» вида или еще неведома, доказывающий силлогизм требует в качестве предпознания определения всех входящих в него терминов, – главное, чтобы термины были определены

однозначно. В этих случаях вступает в силу аристотелевская дистинкция «значения и сути». До сих пор мы говорили об определениях у Аристотеля как об определениях «суть». В то же время он учитывает и определения «значения». В определения «значения» может входить ограниченный перечень «сходств и несходств», которые мы используем при узнавании того или иного вида.

Вообще, Аристотель различает не только «что *есть*» и «почему *есть*», о которых у нас шла речь в предыдущей части статьи, но и «что *есть*» (обратите внимание на выделенное курсивом!), т.е. не только «бытие» и «суть» (*essence*), но и «значение» (*meaning*) [40]. Если «бытие» *узнается* (*gnōrizein*), а «суть» *умопостигается* (*noein*), то «значение» *понимается* (*xunienai*) (*An. Post.* I 1, 71a11-17). «Понимание» значения термина не влечет с необходимостью возможность «узнавания» предмета, который входит в объем этого термина. Для «узнавания» необходим опыт, «понимание» же значения возможно и без опыта. В связи с этим надо учитывать еще одну дистинкцию Аристотеля – дистинкцию эмпирического обобщения и абстрагирования (т.е. Аристотель разделяет универсальные имена на эмпирические и абстрактные). Так, в *EN* VI viii, 1142a17-20 Аристотель пишет: «...Почему же отрок математиком стал бы, а мудрецом или физиком нет? Разве [не потому,] что [начала математики] отвлеченны, а начала [мудрости и физики] из опыта; и юноши не удостоверяются [в началах мудрости и физики], а [лишь] говорят [о них], *суть* же [начал математики] ясна» (перед этим фрагментом Аристотель отмечает, что юношам не хватает опыта, ибо приобретение опыта требует длительного времени; «физикой» в данном случае он называет все эмпирические естественные науки) [41]. Так что «опыт» требуется для «узнавания» только эмпирических предметов, а для идентификации абстрактных предметов достаточно «понимания». «Говорить» же юноши могут и о тех эмпирических предметах, с которыми они на личном опыте не знакомы и которые они, соответственно, не «узнают» при эмпирической встрече. Более того, согласно Аристотелю, «понимать» можно также те имена и термины, которые обозначают что-либо несуществующее, т.е. термины, как сказали бы сегодня, «с нулевым объемом». У Аристотеля такие термины тоже имеют «значение». Аристотелевские «значения» правомерно сопоставлять с «дескрипциями» у современных логиков и философов.

Аристотелевская *эпистема* (научное знание) – это прежде всего *универсальное* знание, т.е. знание, которое с логической точки зрения

имеет форму универсальных суждений. При этом Аристотель различает *эпистему* и *применение* эпистемы к частным случаям. Для него это разные познавательные действия. *Эпистема* есть прежде всего доказывающий силлогизм, а силлогистика Аристотеля имеет дело прежде всего с универсальными терминами. Собственно доказывающее умозаключение не предполагает «узнавания». «Узнавание» имеет место, во-первых, на досиллогистических ступенях познания (в качестве предпознания), а во-вторых, становится необходимым при применении уже полученного универсального знания к той или иной частной ситуации. В этом случае мы вновь имеем дело с силлогизмами, но уже другими, которые не относятся к «правильной силлогистике». Например, если у нас есть некое универсальное знание в виде силлогизма, все термины которого универсальны ($AaB, Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma$), и мы хотим применить это знание к единичному по числу объекту g , входящему в объем термина Γ , то, согласно Аристотелю, мы должны составить следующий силлогизм: ($Aa\Gamma, \Gamma g \vdash Ag$). Вторая посылка в этом силлогизме получается на основании «узнавания». Мы не будем сейчас в полной мере рассматривать этот тип силлогизма, а ограничимся следующим. Такие силлогизмы, согласно Аристотелю, не могут опровергать универсальные силлогизмы (силлогизм $AaB, Ba\Gamma \vdash Aa\Gamma$ опровергается силлогизмом $AeB, Bi\Gamma \vdash Ao\Gamma$). Если же при применении первого силлогизма мы эмпирически (посредством «узнавания») примем ($\neg \Gamma g$) и тем самым получим силлогизм ($Aa\Gamma, \neg \Gamma g \vdash \neg Ag$), то это еще недостаточное условие для опровержения, ибо «узнавание» чревато возможной ошибкой. В связи с этим Аристотель учитывает еще одну дистинкцию: ложь и ошибка. Таким образом, если иметь в виду только *эпистему* (доказывающее знание), но не применение *эпистемы* к частным случаям, то при доказательствах Аристотель имеет дело со «значением» и «сутью», но не с «узнаванием». Когда и как в доказательствах присутствуют «значение» и «суть» – вопрос не простой, и он подробно разбирается Аристотелем в *An. Post.* II 3-10, а также I 1 и I 13. Однако в некоторых контекстах, где дистинкция «значения» и «сути» неважна, Аристотель называет то и другое вместе «значением». Это относится, в частности, к так называемому «опровергающему доказательству» самого достоверного начала всякого доказательства, т.е. закона противоречия, в *Met.* IV 4.

Проблеме «значения» большое внимание уделяют аналитические философы. Более того, аналитическая проблематика «значения» и «ре-

ференции» в связи с терминами естественных видов имеет непосредственное отношение к классификационной проблеме. Поэтому в заключение мы попытаемся сопоставить «в первом приближении» аристотелевский подход к данной проблематике с соответствующими подходами аналитических философов.

Сначала сравним аристотелевские различия «бытия», «значения» и «сути» с аналогичными различиями в аналитических теориях значения и референции. При этом «бытие» у Аристотеля мы заменим на «узнавание» бытия посредством «опыта», что в большей степени соответствует аналитической «референции». Данное сравнение осложняется одной из исходных установок современных исследователей. Так, Л.Б. Макеева пишет: «До Дж. Ст. Милля преобладающим было представление, согласно которому слова являются знаками идей, то есть значением слова выступает связанная с этим словом идея. Заслуга Милля состояла в создании “денотативной семантики”, которая трактует языковые выражения как имена предметов, а не наших представлений о них» [42]. Да, Аристотель считает, что отношение «имени» и соответствующей ему «вещи вне души» опосредуется неким состоянием в душе, а современные аналитические философы в большинстве своем предпочитают не учитывать никаких ментальных репрезентаций. Однако мы не будем сейчас останавливаться на этом, так как пришлось бы уйти в сторону от темы данной статьи. Разное отношение Аристотеля и его современных коллег к ментальным репрезентациям не исключает возможности сравнить «в первом приближении» их различия, касающиеся «референции» и «значения».

При составлении сравнительных таблиц (табл. 2–5) мы использовали работы Л.Б. Макеевой и А.В. Хлебалина [43]. В данном случае мы не учитываем разницу в том, какие имена (и дескрипции) относили к именам собственным Дж. Ст. Милль, Г. Фреге и Б. Рассел. У Дж. Ст. Милля мы обозначили «денотацию» как «означение», а не «значение», только потому, что именно так переводит В.Н. Ивановский в «Системе логики» [44]. А вообще-то у Милля речь идет о той же самой денотации, что и у Г. Фреге и Б. Рассела, так что можно было бы во всех трех случаях говорить о «значении».

Аристотелевское «узнавание» соответствует «референции» у аналитиков лишь отчасти. Во-первых, референция предполагает наличие «имени», которое на что-то указывает. Эмпирическое «узнавание» у Аристотеля возможно и без имени, т.е. человек (как и некоторые

Таблица 2

Нарицательные имена: термины естественных видов			
Аристотель	узнавание (опыт)	значение	суть (различие рода)
Дж. Ст. Милль	означение-денотация	соозначение-коннотация	
Г. Фреге	–	служат для образования смыслов имен собственных	

Таблица 3

Собственные имена		
Дж. Ст. Милль	означение-денотация	–
Г. Фреге	значение-денотация	смысл
Б. Рассел	значение-денотация знание-знакомство	–

Таблица 4

Понятия		
	объем понятия	содержание понятия
Р. Карнап	экстенционал	интенционал

Таблица 5

Нарицательные имена: термины естественных видов			
Х. Патнэм	стереотип	описание стереотипа	описание экстенционала, включающая существенные свойства
С. Крикк	референция	описание, фиксирующая референцию	значение: дефиниция, обеспечивающая индивидуацию

животные) может узнавать и то, что не имеет «имени», безымянное (по-греч. «анонимное»). Во-вторых, мы уже отметили, что Аристотель различает «узнавание» и «понимание», а для «разговоров» и доказательств, с его точки зрения, «узнавание» не необходимо. Представители же аналитической философии пытаются создавать единые теории значений и референций как бы сразу и для терминов естественных видов (для классификаций), и для логики (в том числе модальной), и для употребления естественного языка вообще. Поэтому они усматривают «референцию» и там, где для Аристотеля «узнавания» нет. Например, такие ситуации, судя по всему, могут возникать при заменах в логических выводах одних терминов на другие. Однако если мы ограничим наш интерес классификационной проблемой, то возникнет больше оснований для сопоставления «референции» с «узнаванием».

Из приведенных сравнительных таблиц видно, что Г. Фреге и Б. Рассел, отказавшись от дистрикции, аналогичной дистрикции «значения и сути», существенно отдалились от различий Аристотеля, а Х. Патнэм и С. Крипке вновь приблизились к ним. Подход, восходящий к Г. Фреге и Б. Расселу, в философской аналитической литературе принято называть «традиционной семантической теорией» (или «классической семантической теорией», или «классической теорией референции»), а подход К. Доннелана, С. Крипке и Х. Патнэм – «новой теорией референции» (или «теорией терминов естественных видов как твердых десигнаторов», или теорией «прямой референции»). Примечателен следующий вывод Л.Б. Макеевой: «...Сторонники новой теории референции отказались от понятия смысла как механизма определения референции и заменили его каузальным механизмом. Однако каузальные связи могут объяснить референцию имен только тех объектов, с которыми мы знакомы по опыту» [45]. Этот вывод подтверждает правомерность нашего сопоставления «референции» у аналитиков (ограниченной проблематикой терминов естественных видов) именно с эмпирическим «узнаванием» у Аристотеля.

А.В. Хлебалин пишет: «Согласно точке зрения традиционной семантической теории, восходящей к Г. Фреге и Б. Расселу, экстенционал термина определяется его интенционалом; иными словами, “имя ничего не значит без поддержки дескрипций”. Дескриптивное содержание имени делает возможной индивидуацию

референта» [46]. Далее, имея в виду доводы новой теории референции, он продолжает: «Термины естественных видов опровергают классическую теорию референции. Сколь бы большим ни был перечень дескрипций, ассоциированных с термином естественного вида, содержащаяся в нем конъюнкция свойств, присущих референту термина, не позволяет однозначно выделить его, всегда существуют контрфактические ситуации, в которых мы не знаем, применим ли данный термин к определенному объекту» [47]. От себя добавим, что, по сути дела, авторы новой теории референции констатируют то же обстоятельство, что и У. Юэль, суждения которого мы приводили выше.

Классическая семантическая теория Фреге – Рассела, согласно А.В. Хлебалину, не может объяснить функционирование терминов естественных видов из-за объединения индивидуации и референции [48]. С. Крипке же разводит индивидуацию на основании дефиниций и референцию, с которой могут быть сопряжены дескрипции. Дистинкция Крипке аналогична аристотелевской дистинкции разделения родов на виды на основании «различий» и «узнавания» отдельных представителей того или иного вида на основании «сходств и несходств». И у Крипке, и у Аристотеля «референция» и «узнавание» могут происходить без «дескрипции» и «значения». В то же время если речь о дескрипциях в каких-то ситуациях все же заходит, то надо учитывать, что у Крипке, как и у других авторов новой теории референции, «дескрипции», судя по всему, относятся только к существующим объектам, а у Аристотеля «значения» могут относиться и к несуществующему.

Итак, определения «значения», которые могут содержать ограниченные перечни феноменальных «сходств и несходств» и которые аналогичны «дескрипциям, сопряженным с референцией», у аналитиков и «диагностическим признакам» у современных специалистов по классификационной проблеме, согласно Аристотелю, не необходимы и, тем более, не достаточны ни для разделения рода на виды по различиям, ни для использования уже построенных классификаций (т.е. для «узнавания»).

* * *

Апорию, сформулированную С.С. Розовой: «признать основанием классификации закон почвообразования или диагностические признаки

каждого типа», – Аристотель разрешил бы в пользу первого положения. В «классификации» М.И. Афолина нет деления почв на виды на основании различий, это просто ряд эмпирически выделенных разновидностей почв. В строгом смысле слова это не классификация. «Различия» видов не тождественны феноменальным «сходствам и несходствам» этих же видов. Но из этого еще не следует признание двух оснований классификации. «Основанием классификации» выступают только первые из них. Вообще, Аристотель признает определения видов рода по двум и более различиям (именно по «различиям», а не по «сходствам и несходствам» и «различиям», и не по «сопутствующему» и «различию»), но это уже тема для другой статьи.

Примечания

1. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной / Пер. В.Н. Ивановского. – М.: Изд. Г.А. Лемана, 1914. – С. 118.
2. См.: Розова С.С. Классификационная проблема и современная наука. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 18–19, 21.
3. Василевич В.И. Что считать естественной классификацией // Философские проблемы современной биологии. – М.: Наука, 1966. – С. 178.
4. Цит. по: Виленский Д.Г. История почвоведения в России. – М.: Сов. наука, 1958. – С. 38–39.
5. См.: Докучаев В.В. Картография русских почв // Докучаев В.В. Избранные сочинения: В 3 т. – М.: Сельхозгиз, 1954. – Т. 3. – С. 29–32.
6. Там же. – С. 18.
7. Розова С.С. Классификационная проблема... – С. 24–25.
8. Там же. – С. 25.
9. Там же. – С. 23–25.
10. Там же. – С. 25–26.
11. См.: Платон. Сочинения: В 4 т. М., 1993. – Т. 2.
12. Перевод автора.
13. Наряду с «величайшими родами», входящими в предметы той или иной частной науки (эпистемы), Аристотель называет родами сущего также и категории: сущность, качество, количество и т.д., но не метакатегории: то же и другое, различие, противность и т.д.
14. См.: Орлов Е.В. Кафолическое в теоретической философии Аристотеля. – Новосибирск: Наука, 1996. – С. 102.
15. Там же.
16. Розова С.С. Классификационная проблема... – С. 30.
17. Панова Н.С., Шрейдер Ю.А. О знаковой природе классификации // Научно-техническая информация: Сер. 2. – 1974. – № 12. – С. 3.
18. Розова С.С. Классификационная проблема... – С. 29.
19. См.: Ап. Post. II 1-2. См. также: Орлов Е.В. Аристотель об опыте и уме во «Второй аналитике» II 19 // Историко-философский ежегодник: 2002. – М.: Наука, 2003. – С. 56–57.

20. Цит. по: *Симанов А.Л.* Предмет и структура философии науки: начало неклассического периода // Гуманитарные науки в Сибири. – 2005. – № 1. – С. 8.
21. См.: *Cooper J.* Hypothetical necessity and natural teleology // *Philosophical Issues in Aristotle's Biology* / Ed. by A. Gotthelf, J. Lennox. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1987. – P. 243–274. *Лучникова Л.Е.* Аристотель о гипотетической необходимости // Перспективы философии и философского образования в XXI веке: Мат. Лет. филос. школы «Голубое озеро – 2002». – Новосибирск: Новосибирск. гос. ун-т, 2002. – С. 183–185.
22. *Майоров Г.Г.* Философия как искание абсолюта: Опыт теоретические и исторические. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 12.
23. См.: *Докучаев В.В.* Классификация почв // *Докучаев В.В.* Избранные сочинения: В 3 т. – М.: Сельхозгиз, 1954. – Т. 3. – С. 375–380.
24. См.: *Орлов Е.В.* Аристотель об опыте и уме... – С. 34–68.
25. *Барбашина Э.В.* Особенности англоязычной рецепции философии И. Канта // Гуманитарные науки в Сибири. – 2005. – № 1. – С. 67.
26. См.: *Owen G.E.L.* Tithenai ta phainomena // *Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy* / Ed. by M. Nussbaum. – Ithaca (N.Y.): Cornell Univ. Press, 1986. – P. 239–251.
27. *Милль Дж. Ст.* Система логики... – С. 105.
28. Наименования предикабилей у Порфирия взяты из соответствующего перевода А.В. Кубицкого, а у Дж. Ст. Милля – из перевода В.Н. Ивановского. См.: *Порфирий.* Введение к «Категориям» финикийца Порфирия, ученика ликополитанца Плотина / Рус. пер. А.В. Кубицкого // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – С. 1167–1198; *Милль Дж. Ст.* Система логики ...
29. См.: *Орлов Е.В.* Кафолическое в теоретической философии Аристотеля. – С. 17–18, 21–23.
30. См.: *Коротких В.И.* О новом понимании структуры системы философии Гегеля // Вопросы философии. – 2003. – № 4. – С. 175–185; *Коротких В.И.* Предмет и структура «Феноменологии духа» Гегеля // Вопросы философии. – 2005. – № 4. – С. 158–166.
31. *Розова С.С.* Классификационная проблема... – С. 28–29. В процитированном фрагменте автор, в свою очередь, цитирует работу: *Строгович М.С.* Логика. – М.: Госполитиздат, 1949. – С. 142.
32. *Черепанов С.К.* Философия неопределенности: неопределенность и парадоксы. – Новосибирск: Нонпарель, 2004. – С. 62–63. В приведенном фрагменте автор цитирует работу: *Бартон В.И.* Логика. – Минск, 2001.
33. См.: *Орлов Е.В.* Кафолическое в теоретической философии Аристотеля. – С. 133.
34. См.: *Орлов Е.В.* Аристотелевский эссенциализм и проблема «формулировки проблем» // Вестник НГУ. Сер.: Философия и право. – 2004. – Т. 2, вып. 1. – С. 161–169; *Он же.* Аристотель о частных и универсальных доказательствах во «Второй аналитике» А // Вестник НГУ. Сер.: Философия и право. – 2003. – Т. 1, вып. 1. – С. 144–152.
35. См.: *Орлов Е.В.* Кафолическое в теоретической философии Аристотеля. – С. 151–152.
36. *Докучаев В.В.* Картография русских почв... – С. 141.
37. См.: *Докучаев В.В.* Классификация почв... – С. 375–380.
38. *Милль Дж. Ст.* Система логики... – С. 648–649. Русское написание фамилии Whewell дается в том виде, в каком оно приведено в русском переводе «Системы логики».

39. Там же. – С. 649.
40. См.: *An. Post.* II 1-2. См. также: *Орлов Е.В.* Аристотель об опыте и уме... – С. 56–57.
41. О дистинкции опыта и логоса, эмпирического и абстрактного у Аристотеля см.: *Орлов Е.В.* Аристотель об опыте и уме... – С. 48–50, 53–54.
42. *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнэма. – М., 1996. – Прим. к § 2 гл. I.
43. *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнэма; *Хлебалин А.В.* Проблема индивидуации референтов терминов естественных видов // Гуманитарные науки в Сибири. – 2005. – № 1. – С. 23–28.
44. См.: *Милль Дж. Ст.* Система логики...
45. *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнэма... – Гл. I. § 3.
46. *Хлебалин А.В.* Проблема индивидуации... – С. 24.
47. Там же.
48. Там же.

Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск

Orlov, E. V. Aristotle on principals of classification

Problems which Aristotle considers in light of definitions are discussed by modern specialists substantially in light of classifications. But the following question arises here: what is in fact a criterion for classification – diagnostic features by which we divide the system under consideration into classes or adopted differences between these classes? Aristotle answers this question in the context of logics, gnoseology, and ontology. Two of the three approaches, namely gnoseological and ontological are discussed and analyzed in the present paper.